

Голайденко Лариса Николаевна

**КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА КАК ГРАММАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
СЕМАНТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ**

Когнитивная категория представления квалифицируется как структурно-семантическая. Семантика представления находит выражение на разных уровнях языковой системы, в том числе на морфолого-синтаксическом. В данной статье в качестве грамматического средства выражения семантики представления рассматриваются формы прошедшего и будущего времени глаголов, которые не относятся к ЛСП представления, но в художественной прозаической речи маркируют описания воспоминаний и воображаемых картин, возникающих в сознании персонажей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 67-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Филологические науки

Когнитивная категория представления квалифицируется как структурно-семантическая. Семантика представления находит выражение на разных уровнях языковой системы, в том числе на морфолого-синтаксическом. В данной статье в качестве грамматического средства выражения семантики представления рассматриваются формы прошедшего и будущего времени глаголов, которые не относятся к ЛСП представления, но в художественной прозаической речи маркируют описания воспоминаний и воображаемых картин, возникающих в сознании персонажей.

Ключевые слова и фразы: структурно-семантическая категория представления; семантика воспоминания/воображения; грамматическая категория времени глагола; формы прошедшего/будущего времени глагола; переносное употребление глагольных временных форм.

Голайденко Лариса Николаевна, к. филол. н., доцент
Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Ingolaydenko@gmail.com

**КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА КАК ГРАММАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ[©]**

В силу своей актуальности для носителей русского языка семантика представления находит выражение практически на всех уровнях языковой системы, поэтому соответствующая философско-психологическая категория, обозначающая наглядно-чувственный образ, возникающий в сознании человека в результате воспроизведения или творческой трансформации прошлого чувственного опыта, рассматривается нами как структурно-семантическая [5] – с позиций структурно-семантического направления в современной русистике [1].

На морфологическом уровне семантика воспоминания/воображения передаётся не только словами определённых частей речи как таковыми (существительными, глаголами, прилагательными, наречиями), но и некоторыми их грамматическими категориями. Последние, «накладываясь» на лексические значения [7] морфологических единиц, «каузируют» семантическое «смещение» грамматических форм в область смыслов, которые отражают многоплановость и синкретизм представления как когнитивной категории, совмещающей в себе признаки восприятия и понятия: «чувственности»/абстрагированности, предметности/процессуальности, прошлого/будущего, воспоминания/воображения. К весьма показательным в этом плане грамматическим средствам выражения семантики представления мы, прежде всего, относим число отглагольных отвлечённых существительных [6; 10], время и наклонение глаголов.

Наибольшую активность в передаче семантики воспоминания/воображения в художественной прозе обнаруживают глаголы, поскольку обладают яркой частеречной спецификой. Глаголы соответствующего лексико-семантического поля (ЛСП) [8] подчёркивают значимость представления для носителей русского языка как процесса «оживления» «следов» памяти и конструирования на их основе воображаемых картин – процесса всё большего отвлечения того или иного наглядно-чувственного образа от непосредственной данности объектов действительности и его включения в структуру понятия в качестве смыслообразующего компонента, обуславливающего концептуализацию и вербализацию этого понятия в слове.

«Философия процесса опирается на понятие времени» [17, с. 390] – «формы возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится; способа существования человека, в котором он необходимо должен переживать прошедшее, настоящее и будущее» [27, с. 77-78]. Этим «трём формам времени», отмечает Б. В. Марков, «соответствуют специфические способности сознания: память, воспоминание или удержание прошлого; восприятие настоящего; воображение или ожидание будущего» [17, с. 399]. Таким образом, время, по справедливому утверждению Э. М. Рянской, имеет наглядную основу в опыте людей [23, с. 20].

Именно поэтому грамматическая категория времени в русском языке маркирует в первую очередь глагольную семантику процесса (действия), который может быть отнесён к одному из временных планов. Именно поэтому данная категория выступает очень значимым грамматическим средством выражения семантики представления, которое одной формой своего существования – воспоминанием – обращено к прошлому, а другой – воображением – к будущему.

Категория времени глагола «представляет собой в русском языке систему (точнее, совокупность систем) противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, используемых для выражения отношения действия к моменту речи или ко времени другого действия (какому-либо моменту, помимо момента речи)» [2, с. 5]. Причём временные глагольные формы, по мнению Н. В. Шуваевой, образуют оппозицию «прошедшее – не-прошедшее» [30, с. 7].

Очевидно, что сильным членом данной оппозиции является прошедшее время. Этому есть когнитивное объяснение. В отличие от будущего прошедшее, как и настоящее, онтологически тяготеет к восприятию.

Однако настоящее воспринимается непосредственно, тогда как прошлое в памяти воспроизводится в виде наглядно-чувственных образов. На данной ступени отвлечения восприятия от предметов действительности прошлое начинает доминировать над настоящим, «поглощая», вбирая его в себя, ибо всякое восприятие мгновенно становится «следом» памяти, представлением. По поводу такого «превосходства» прошлого над настоящим Б. В. Марков пишет: «Сознание, воспринимая нечто как настоящее, тем не менее вносит в него своеобразную модификацию, представляя пребывающее в сознании в качестве прошлого» [17, с. 397]. Это суждение есть результат развития одной из идей немецкого философа Э. Гуссерля, основателя феноменологии, который в качестве общего закона рассматривал то, что «к каждому данному представлению естественным образом присоединяется непрерывный ряд представлений, из которых каждое воспроизводит содержание предыдущего, однако таким образом, что оно постоянно прикрепляет к новому моменту прошлого» [цит. по: Там же].

Память, фиксирующая восприятия настоящего и сохраняющая их в форме наглядно-чувственных образов прошлого, становится когнитивным фундаментом воображения будущего: она обобщает и логически обрабатывает непосредственные восприятия, превращает их в представления – образы образов – и проецирует в будущее, «продвигая» ближе к понятию.

Именно поэтому прошлое, «воплощаясь» в глагольных формах прошедшего времени, порождает их грамматическое противопоставление формам «непрошедшего» времени – настоящего/будущего.

Статус прошедшего времени как грамматического маркера в оппозиции временных форм глаголов находит непосредственное отражение в художественной прозаической речи: форма прошедшего времени в литературных произведениях является самой частотной. Это мотивируется рядом причин лингвопрагматического характера.

Во-первых, доминирование в художественной прозе форм прошедшего времени «связано с основными темпоральными отношениями» [26, с. 17], реализуемыми в произведениях определённых жанров: в романах, повестях, рассказах и т.п. обычно повествуется о событиях прошлого (или будущего (в фантастике), всё равно осмысленного автором как факт прошлого).

Во-вторых, воспоминания персонажей, описываемые с помощью глаголов в форме прошедшего времени, вызывают в памяти читателя ассоциации, обусловленные его жизненным опытом, в результате чего расширяется интерпретационное поле художественного текста, усиливается личностное отношение к произведению и происходит «вращение» читателя в художественное повествование.

В-третьих, чтобы диалог автора с читателем был эффективным, образы прошлого должны стать для читателя настоящим, непосредственно воспринимаемым в мыслях. А к настоящему в языковой картине мира по своему онтологическому статусу близко именно прошлое [19, с. 50].

В-четвёртых, «если понимать время как способ существования реальности, то прошедшее время, обозначающее процесс, который уже завершился, естественно, может использоваться для выражения тех или иных авторских оценок и быть связанным с актуализацией определённой точки зрения» [Там же, с. 49]. Например:

Он ходил в церковь. Становился на колени. Целовал иконы, все подряд (Г. Щербакова. Женщины в игре без правил [40]); Я очень боялся бабушкиных проклятий... Они обрушивались на меня, я чувствовал их всем телом – хотелось закрыть голову руками и бежать, как от страшной стихии (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом [43]).

Очень часто в художественных прозаических контекстах с глаголами в форме прошедшего времени употребляются временные операторы – слова с темпоральной семантикой. Эти операторы могут быть абсолютными и относительными [18, с. 18], причём в условиях прямого употребления форм прошедшего времени – только конкретизаторами соответствующего грамматического значения, относящими «событие к тому же временному плану, что и глагольная форма» [30, с. 11]:

Приглашённая в первый раз на обед, – в далёком, желтоватой дымкой подёрнутом тридцатом году, – истуканом сидела в торце длинного накрахмаленного стола, перед конусом салфетки, свёрнутой как было принято – домиком (Г. Толстая. Соня [54]); Несколько лет тому назад в одном из своих помещений жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров (А. Пушкин. Дубровский [49]); Когда-то, очень давно, на фронте, я любил рассматривать трофейное оружие (Ю. Бондарев. Мгновения. Оружие [59]); Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном приморском пустыре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. Как это ни странно, в самом деле превратили (Ф. Искандер. Начало [31]).

Так, в первом примере, наряду с глагольными формами прошедшего времени, используется абсолютный временной оператор *в тридцатом году*, в последующих высказываниях – семантические относительные временные операторы *несколько лет тому назад*; *когда-то, очень давно*; *однажды, когда я учился в школе*.

Функционирование подобных временных конкретизаторов в общих коммуникативных условиях с глаголами в форме прошедшего времени, безусловно, усиливает план прошлого и общую семантику воспоминания.

Однако в художественной прозе нередки случаи формирования описаний воспоминаемых событий формами настоящего времени глаголов, обусловленные тем, что воспоминание само может быть предметом мысленного восприятия, то есть настоящим, как бы «просматриваемым» человеком в его сознании.

Самой подвижной является форма настоящего времени несовершенного вида, которая и подвергается подобной транспозиции. При этом в контекстах с глагольными формами настоящего несовершенного обычно используется лексика со значением памяти/воспоминания или темпоральные модификаторы [30, с. 11], изменяющие временной план высказывания, заданный соответствующими формами глаголов. Например:

Вот, помню, стою я на кухне и говорю по телефону. А под потолком слабая жёлтая лампа (В. Пелевин. Жизнь насекомых [62]); Зато крепко засело в памяти другое. Мы гуляем на Чистых прудах, маленькой

лопаточкой я **строю** из снега домик, рядом **пританцовывают** серые ботинки и лиловые чулки. Я не умею строить: я просто **подравниваю** сугроб лопаткой, **прихлопываю** с боков, **получается** что-то похожее на вздувшийся в духовке сыроватый пирог. Но я **втыкаю** сверху щепку – это труба, с боков криво **рисую** похожие на тюремные окошки, и у меня нет никаких сомнений, что я построил дом. Анна Ивановна молча... **берёт** у меня из рук лопатку, ловко **обрезает** моё сооружение со всех четырёх сторон, и вместо кривых склонов **вырастают** прямые, стройные стены... Очарованно **гляжу** на дивное сооружение (Ю. Нагибин. Я изучаю языки [66]); **Прихожу** к ним однажды – это уже в студенческие годы было, на каникулах (девчонки привечали меня по старой детской памяти), – а морда **сидит** в очках на кухне и **читает** литпамятник: «Томас Манн. Письма» (Д. Рубина. Почерк Леонардо [65]).

В приведённых художественных прозаических фрагментах возникает значение настоящего расширенного, поскольку обязательные в подобных высказываниях слова с семантикой памяти/воспоминания (*помню, в памяти*) и/или абсолютные (*в студенческие годы*) либо относительные (*однажды*) временные операторы-модификаторы с семантикой продолжительности действия, указывающие на этапы процессов/событий, взаимодействуют с глаголами в форме настоящего времени определённых ЛСГ. Как правило, отмечает Н. В. Шуваева, в значениях этих глаголов актуализирована сема «Длительность» [30, с. 14-15].

Довольно часто глагольные формы настоящего расширенного функционируют вместе с глаголами в форме прошедшего времени, которые, собственно, и подчёркивают, что в художественном произведении описывается именно воспоминание, зрительно воспринимаемое персонажем в мыслях:

– Я один раз **летел** из Владивостока... – Егор поудобнее **устроился** на стуле, **закурил** новую, опять **по-смотрел** на четверть; бабка **не пошевелилась**. – **Летим**, значит, я **смотрю** в окно: **горит**... (В. Шукшин. Сельские жители [64]); ...но **память** упрямо **подсовывала** другое лицо, чуть склонённое набок, победно улыбающееся. Вот она **поворачивает** голову, озорно и любовно, из-под низу **разит** взглядом огнисто-чёрных глаз, что-то несказанно-ласковое, горячее **шепчут** порочно-жадные красные губы, и медленно **отводит** взгляд, **отворачивается**, на смуглой шее два крупных пушистых завитка... их так **любил целовать он когда-то**... (М. Шолохов. Тихий Дон [61]).

Цель переносного употребления форм настоящего времени – в значении прошедшего – «оживить» события прошлого, актуализировать наглядно-чувственный ореол высказывания [11, с. 4]. В данных примерах эти глагольные формы выделяют наиболее запомнившиеся героям и очень значимые для них факты былого [26, с. 19-20]: на воспоминания прошлого, помимо глаголов в форме прошедшего времени, указывают темпоральные компоненты *один раз* (= *однажды*) и *когда-то*.

Такое использование временных форм глагола Д. С. Егоров называет метафорическим и вводит понятие «временной глагольной метафоры», которая, в отличие от основных типов метафоры, «сопоставляет не сущности разного порядка... а временные планы и их субъекты восприятия (я воспринимаю событие, которое произошло вчера так, как будто оно происходит у меня перед глазами)» [11, с. 13]. При этом «метафорическое преобразование глагольной формы» в художественной прозаической речи направлено на презентацию актуального события прошлого, «в которое мысленно “погружается” говорящий» [Там же, с. 11].

В значении прошедшего могут употребляться и формы будущего времени глаголов, что обусловливается неразрывной диалектической связью воображения с воспоминанием в рамках целостной когнитивной категории представления. По мнению Э. Гуссерля, все временные планы и соответствующие им формы отражения действительности – воспоминание, восприятие и воображение – объединяются в одно неделимое время именно фантазией, «формами которой выступает не только предвосхищение будущего, но и запоминание прошлого и даже восприятие настоящего» [Цит. по: 17, с. 397].

В случаях переносного функционирования глагольных форм будущего времени – в значении прошедшего – обязательно используются лексические средства с семантикой прошлого, чаще всего компонент *бывало* [9]. Например:

– **Забьётся, бывало**, в угол, **надуется** и **начнёт фантазировать** (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы [35]); – **Бывало, стану** я **рассматривать** его умное, красивое, светлое лицо... **сердце моё задрожит**, и всё существо моё **устремится** к нему... (И. Тургенев. Первая любовь [37]).

В приведённых фрагментах *бывало* в качестве вводно-модального слова реализует сему «Повторяемость действия в прошлом», отсылающую ко второму лексическому значению бытийного глагола *бывать*: «2. Быть часто, постоянно или иногда» [20, с. 70].

Употребление глагольных форм будущего времени в прямом значении задаёт в художественной прозе однозначные описания воображаемых картин. Формы будущего времени, функционируя преимущественно в прямой и несобственно-прямой речи персонажей, менее частотны по сравнению с формами прошедшего времени, но весьма показательны в плане выражения семантики воображения, которое устремлено в будущее:

– <...> **Занавески повесим, телевизор купим**... (Ю. Буйда. Сестра моя смерть [3, с. 310]); **Даша – ему: – Будем жить** в бревенчатом доме, чистом-чистом, с каплями смолы, с большими окнами... **В зимнее утро будет пылать** камин... (А. Толстой. Хожение по мукам [24, с. 383]).

Как отмечает Т. А. Логунов, лингвистическая категория будущего не является первичной по времени образования [16, с. 13], так как в русском языке она развивалась под влиянием, прежде всего, когнитивного фактора – последовательного формирования более абстрактных представлений о времени, то есть была «обусловлена общим процессом познания объективной действительности» [Там же, с. 14].

Поскольку будущее внутренне связано с модальностью, имеет ирреальную природу и гносеологически противопоставлено прошедшему и настоящему, соответствующая категория в языке наиболее проблемна [Там же, с. 3] для собственно лингвистического изучения, но вместе с тем очень значима для понимания когнитивного механизма отражения будущего в языковой картине мира.

Ирреальная природа будущего, безусловно, более абстрактна относительно более «чувственных» прошедшего и настоящего. В философии и логике с будущим обязательно связаны возможности, чаще всего реальные, представляющие собой «потенции реального дальнейшего развития» [Там же, с. 13]. Эти потенции проявляют себя как желания, надежды, ожидания, прогнозы, планы и т.п. Будущее событие мыслится «как предполагаемое, связанное с наличием определённых условий», или как желаемое, или как необходимое, обязательное, кем-либо требуемое. Следовательно, по мнению Т. Е. Шаповаловой, «в сфере будущего времени теснейшим образом переплетаются две важнейшие категории, конституирующие предикативность: синтаксическое время и синтаксическая модальность» [29, с. 60]. Таким образом, ведущими признаками формы будущего являются «гипотетичность и проспективность» [16, с. 24]:

И представлял себе, как молодые муж и жена поедут в свадебное путешествие по-студенчески (В. Катаев. Кубик [56]).

В плане реализации в художественной прозаической речи категория будущего времени с внутренне присущей ему субъективностью более всего зависит от условий контекста, отражающего экстралингвистическое содержание высказывания. Автор этого высказывания всегда имеет свою, индивидуальную точку зрения на будущее действие/событие, которое относится к сфере предполагаемого, возможного, необходимого, желаемого. Говорящий/пишущий воспринимает пока ещё идеальное будущее в определённой модальности, преобразуя его в факты субъективной реальности, что становится значимой характеристикой адресанта, «высвечивающей» характерные особенности его мировосприятия:

Она представляла себе, как ляжет на полку в вагоне СВ, выпьет чай из стакана в подстаканнике и уснёт под мерный стук колёс и бряцанье ложечки в такт ритму поезда (М. Трауб. Идеальный мужчина [47]).

В приведённом отрывке воображаемая картина очень желательна для уставшей героини, привыкшей к обыденности жизни. Коммуникативный контекст формирует соответствующую модальность высказывания с помощью компонентов *представляла себе; чай из стакана в подстаканнике, под мерный стук колёс и бряцанье ложечки в такт ритму поезда*. Содержание придаточной части данного сложноподчинённого предложения – это содержание экстралингвистической ситуации (причём весьма типичной для пассажира поезда вообще и героини в частности), в которой должно сбыться желание *лечь на полку, выпить чай и уснуть*.

Поскольку «восприятие будущего есть основа всякой целенаправленной деятельности, отличающей человека как существо, способное моделировать и планировать свои действия именно в плане наступающего времени», соответствующий этому времени «фрагмент модальности (в широком смысле) демонстрирует самый “вектор поведения” человека в мире, его направление вовне или внутрь субъекта» [16, с. 8-9]. Например:

«...– Ну, а потом? – спрашивал я сам себя... и возвратился к началу рассуждений: – Для приготовления к лекциям я буду ходить пешком на Воробьёвы горы; выберу себе там местечко под деревом и буду читать лекции; иногда возьму с собой что-нибудь закусить... Отдохну и потом стану читать какую-нибудь хорошую книгу, или буду рисовать виды, или играть на каком-нибудь инструменте (непреренно выучусь играть на флейте!). Потом она тоже будет ходить гулять на Воробьёвы горы и когда-нибудь подойдёт ко мне и спросит: кто я такой? Я посмотрю на неё этак печально и скажу, что я сын священника одного и что я счастлив только здесь, когда один, совершенно один-одинёшенек. Она подаст мне руку, скажет что-нибудь и сядет подле меня. Так каждый день мы будем приходить сюда...» (Л. Толстой. Отрочество [36]).

Так как «будущему по самой его природе присуща своя особая модальность – модальность потенциального действия» [16, с. 13], отражающего внутренние потенции и стремления адресанта, формы будущего времени, по замечанию Н. А. Николиной, характеризуются высшей степенью аксиологичности [19, с. 51]. Они могут выделять возникающие в воображении говорящего/пишущего объекты, факты, ситуации, события как наиболее важные для него и эстетически мотивированные в художественном произведении:

Поднимаясь по лестнице, я думал о том, как Лана... будет читать сегодня вечером эти волнующие строки, а потом позвонит, чтобы выразить восхищение, тут-то я и назначу встречу (И. Фролов. Наша маленькая скрипка [38]).

Хрестоматийно утверждение, что будущее время глагола имеет две формы: простую и сложную. Вместе с тем в современной русистике наблюдается тенденция к неоднозначной квалификации первой. Так, например, Т. А. Логунов считает, что в русском языке форма будущего времени совершенного вида, подвергшись «функциональному сдвигу», в морфологическом отношении представляет собой форму настоящего времени [16, с. 5]. А. В. Кравченко утверждает, что эту форму вообще нельзя считать показательной для категории глагольного времени «с точки зрения механизмов языковой категоризации» [14, с. 79].

А. В. Бондарко трактует форму типа *открою* «как семантически двойственную», потому что она «обладает двумя частными значениями – будущего и настоящего неактуального, полностью оправдывая, таким образом, название формы настоящего-будущего совершенного» [2, с. 54]. Лингвист подчёркивает, что «значение настоящего времени исторически свойственно данной форме: оно было присуще ей в древнерусском языке, оно сохранилось за нею и в языке современном» [Там же, с. 51]. Однако в ходе формирования видовой системы актуальным стало значение будущего, тогда как значение настоящего ослабло и отошло на второй план [Там же].

Неслучайно высказывания с формами «настоящего-будущего совершенного» описывают воображаемые говорящим/пишущим процессы, которые как бы непосредственно наблюдаются им и «встраиваются» в кажущееся непосредственным восприятие [21, с. 15]. Например:

Поначалу она часто представляла, как вернётся во двор и как все обалдеют от того, что у неё есть настоящий ребёнок (С. Чураева. Чудеса несвятой Магдалины [45]); *Раньше я тоже мечтала: замуж пойду, муж колечко подарит* (Е. Чижова. Время женщин [57]); *Завтра приедет из Питера муж, заглянут дети с внуками, а я ничего этого не увижу* (И. Кедрова. Девять жизней [13, с. 200]); *Она лежала с открытыми глазами и думала, как в будущем году поедет с Никой в зимний лагерь* (Л. Улицкая. Медя и её дети [44]).

По мнению А. В. Бондарко, «основным (главным) значением формы настоящего-будущего совершенного» является значение будущего [2, с. 54], которое в художественном прозаическом контексте подчёркивается употреблением лексики с семантикой представления или интеллектуальной деятельности, в которой актуализируется наглядно-чувственный компонент – компонент воображения, а также темпоральных операторов со значением будущего.

В приведённых фрагментах актуализаторами семантики будущего – воображения – выступают глаголы *представляла*, *мечтала*, *думала* и относительные семантические временные операторы *завтра* и *в будущем году*.

Вместе с тем в художественной прозе встречаются случаи использования в высказываниях с формами «настоящего-будущего совершенного», наряду со словами ментальной деятельности человека, «краткого относительного временного оператора» [18, с. 18] *сейчас*, который как бы уравнивает значения будущего и настоящего времени и фундирует корректность термина «настоящее-будущее совершенное» по отношению к формам типа *открою*:

Граф лёг в постель, но вдруг так ясно вообразил, как молния сейчас попадёт в крышу и пройдёт насквозь через все этажи, обратив его мимоходом в судорожно скрюченного негра, – что с бьющимся сердцем вскочил (В. Набоков. Занятой человек [53]); *Мысленно, шаря глазами по изгороди, он уже прикидывал, как выхватит сейчас жердь, а затем со всей яростью обрушит её на волка* (Ф. Абрамов. Последняя охота [63]).

Специфическим синхронным признаком аналитической формы будущего времени считается то, что её грамматическое значение выражается вспомогательным глаголом *быть*, сохраняющим семантику бытийности и развивающим семантику представления [4], а вещественное – значение будущего действия/события – инфинитивом. Раздельнооформленный характер сложной формы будущего времени обуславливается «поздней грамматизацией изначально свободных сочетаний полнозначных слов» и вторичностью «грамматической функции отнесения действия к будущему» [16, с. 3]. Например:

«Буду каждое воскресенье ходить непременно в церковь и ещё после целый час читать Евангелие, потом из беленькой, которую я буду получать каждый месяц... непременно два с половиной (одну десятую) я буду отдавать бедным, и так, чтобы никто не знал: и не нищим, а стану отыскивать таких бедных, сироту или старушку, про которых никто не знает» (Л. Толстой. Отрочество [36]).

Сравнивая аналитические формы будущего времени в русском и английском языках, Т. А. Логунов отмечает, что в русском языке в таких формах «акцент падает на само действие с объектом, изменение последнего, поэтому объект здесь оказывается более вовлечённым в смысловые отношения, отражающие структуру обозначаемой ситуации» [16, с. 17].

Очень частотны в художественной прозаической речи контексты, в которых совместно функционируют формы «настоящего-будущего совершенного» и сложного будущего времени:

Мечтаешь: Святки, ёлка, в театр поедем... <...> Плотник Семён кирпичиков мне принесёт и чурбачков, чудесно они пахнут ёлкой!.. Придёт и моя кормилка Настя, сунет апельсинчик и будет целовать и плакать, скажет – «выкормочек мой... растёшь...» (И. Шмелёв. Лето Господне [41]); *Вот вырастет Тишка большой, женится и тоже будет учить жену* (Д. Мамин-Сибиряк. Озорник [55]); *Потом – мечтает: – Выучусь, начитаюсь – пойду вдоль всех рек и буду всё понимать! Буду учить людей!* (А. Горький. Мои университеты [39]); *Куплю масла! Килограмм масла! И буду есть с хлебом, супом, кашей. И сахару! И сумку достану у кого-нибудь – торбочку с бечёвочным шнурком* (В. Шаламов. Посылка [50]).

Подобные фрагменты могут образовывать сложные синтаксические целые объёмом на одну-две страницы художественного текста, как, например, в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

Нанизывание форм «настоящего-будущего совершенного» и аналитического будущего времени становится мощным художественным приёмом создания ярких, эмоционально-экспрессивных описаний воображаемых картин:

Кто мне мешаешь крикнуть – привстать, обернуться назад и крикнуть: – Пожар! Спасайтесь, пожар! Судорога безумия охватит их спокойные члены. Они вскочат, они заорут, они завоюют, как животные, они забудут, что у них есть жёны, сёстры и матери, они... в безумии своём будут душиить друг друга... Пустят яркий свет, и кто-то бледный со сцены будет кричать, что... пожара нет... а они не будут слышать ничего – они будут душиить, топтать ногами, бить женщин по головам... Они будут отрывать друг у друга уши, отгрызать носы, они изорвут одежду до голого тела и не будут стыдиться, так как они безумны. Их... женщины будут визжать... а они будут бить их в красивое, поднятое лицо и рваться к выходу. Ибо они всегда убийцы, и их спокойствие, их благородство – спокойствие сытого зверя, чувствующего себя в безопасности (Л. Андреев. Красный смех [33]).

Поскольку будущее время всегда модально, в конструкциях с формами «настоящего-будущего совершенного» и сложного будущего нередко используются вводно-модальные слова, которые выступают носителями таких модальных значений, как уверенность/неуверенность, убежденность/ гипотетичность, и представляют будущее не просто как предполагаемое, возможное, желаемое, а как прогнозируемое (*прогноз* – «основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-н.» [20, с. 605]): вводно-модальные компоненты указывают на определённый объём знаний говорящего/пишущего, позволяющий ему в момент речи делать закономерные «выводы/предположения относительно вероятности наступления будущей ситуации» [16, с. 19]. Например:

*Если меня **ранят, попаду** я в госпиталь. **Наемся. Приеду** в отпуск домой. **Пойду** в школу. И все увидят мои костыли. И нашивку за ранение на груди. И, **может быть**, медаль мне **дадут**, так её тоже увидят. И **выйдет** Женя. И уже она **не будет** посмеиваться. А все **будут смотреть** то на неё, то на меня* (Б. Окуджава. Будь здоров, школяр [46]); *Так что про мать он мечтал только в общих чертах: **наступит** время, он, **конечно, спасёт** и её, **вытащит** из дурки, **отыщёт** хороших врачей, и они её обязательно **вылечат**... Вот и **будет** она **жить** себе дальше, **учить** детей...* (М. Кучерская. Пригодное для жилья [15, с. 314]).

Использование в первом высказывании вводно-модального компонента *может быть* характеризует будущее действие как в равной мере вероятное наряду с другими возможными вариантами его воплощения в жизнь [16, с. 20]. Вводно-модальное слово *конечно* во втором предложении подчёркивает уверенность, убежденность героя в действительной реализации воображаемых действий в очень неопределённом будущем.

подавляющее большинство художественных прозаических фрагментов с формами «настоящего-будущего совершенного» и аналитического будущего времени представляют собой сложноподчинённые предложения нерасчленённой структуры, в которых обычно объектно-изъяснительные придаточные части, раскрывающие содержание воображаемых картин, относятся и распространяют контактные слова – обычно глаголы – со значением представления или интеллектуальной деятельности.

Анализируя такие синтаксические конструкции с семантической точки зрения, Е. Ю. Парешнев указывает, что в связи с обозначением будущего процесса в них «широко представлена условная перцептивность» [21, с. 14], которая «в зависимости от контекстуальных условий представления воображаемого действия» может быть образной или ментальной, выражающейся, соответственно, глаголами воображения (*вообразить, мечтать, казаться, представлять*) или ментальными глаголами (*знать, думать*) [Там же, с. 15-16]:

*Когда-то... я **мечтал** о том, что **приду** к ней, как Овод, и **брошу** к её ногам доказательство своей правоты* (В. Каверин. Два капитана [60]); *Я **представил**, как **выбегу** сейчас из храма и **изо всех сил запущу** этим драгоценным, но конечно же бранным с точки зрения вечности подсвечником о каменную паперть!* (Архимандрит Тихон. Отец Гавриил [32]).

В значении будущего времени в художественной прозаической речи довольно активно употребляются глагольные формы настоящего времени несовершенного вида, которые создают эффект непосредственного восприятия воображаемых картин и активного мысленного участия персонажей в соответствующих ситуациях или их активного отношения к конструируемым в сознании наглядно-чувственным образам будущих событий. Например:

*Головкер **представлял** себе момент возвращения. Вот он **прилетает**. **Едет** в гостиницу. **Берёт** напрокат машину. **Меняет** по курсу тысячу долларов* (С. Довлатов. Встретились, поговорили [52]); *И ещё **попросил** **представить**, что у меня в руках банка с муравьями... И вот **ползают** они там друг по дружке: на лапки **наступают**, на головы, на усы... И вдруг какой-то муравьишка **поднимается** по стёклышку, **поднимается**... <...> **Наконец подползает** к вашему пальцу и, почувствовав тепло, в благоговении **замирает**...* (Священник Ярослав Шипов. Ужин у архиерея [58]).

Безусловно, «если морфологическая форма глагола не указывает на будущее время», то план будущего в высказывании создаётся «чисто лексическими средствами» [22, с. 22] – глаголами со значением воображения, как в предыдущих фрагментах, или предикативными сочетаниями с общей семантикой представления, уточняемой предложно-падежными формами существительных *воображение, мечта* и т.п., – в последующих:

*Нелые **картины рисовались** мне. Вот солдата **начинает трясти**. Сперва он **ходит, рассказывает** про Керенского и фронт, потом **становится всё тише**. Ему уже не до Керенского. Солдат **лежит** на ситцевой подушке и **бредит**. У него –40°. Вся деревня **навещает** солдата. А затем солдат **лежит** на столе под образами с заострившимся носом* (М. Булгаков. Записки юного врача [51]); *Даже такие **картины рисовались** в его **воображении**: **сидит** он, Василий Петрович, уже старый, седой учитель, у себя, в своей скромной квартире, и **посещают** его бывшие его ученики, и один из них – профессор такого-то университета, известный «у нас и в Европе», другой – писатель, знаменитый романист...* (В. Гаршин. Встреча [34]).

В художественный контекст будущего нередко переносятся глагольные формы прошедшего времени совершенного вида, которые способны выражать неактуальное значение будущего [30, с. 8]. Например:

*Ночью – должно быть, уже под утро, – дверь **раскрылась**, с размаху **грохнула** о бочку, и Софья **выбежала** на улицу. Она знала, что конец, что назад уже нельзя. Громко, навзрыд плача, она **побежала** к Смоленскому полю, там в темноте кто-то зажег спички. Она **споткнулась**, **упала** – руками прямо в мокрое. **Стало светло**, она **увидела**, что руки у неё в крови. <...> Софья **проснулась**» (Е. Замятин. Наводнение [48]); *Стадо оленей, необыкновенно красивых и грациозных, о которых он **читал** вчера, **побежало** мимо него...* (А. Чехов. Палата № 6 [42]).*

Очевидно, что значение будущего в первом высказывании формируется благодаря использованию глагола *проснулась*, то есть очнулась от сна, под которым в психологии понимается особое физиологическое состояние человека, сопровождающееся работой произвольного воображения [12, с. 415-416], в качестве результата «выдающего» «2. То, что снится, грезится спящему, сновидение» [20, с. 745] – «(книжн.) Образы, картины, возникающие во время сна, во сне, сон (во 2 знач.)» [Там же, с. 737]. Глагол *проснулась* (а до этого момента спала и видела сон), ассоциативно связанный с ЛСГ воображения (типичным представителем данной ЛСГ является глагол *сниться*), подчёркивает, что всё описанное формами прошедшего времени есть зримая во сне ирреальная комбинация реальных объектов действительности, отражённых в памяти Софьи в виде «образов-следов» [27, с. 330].

Приведённый отрывок интересен тем, что в нём актуализируется когнитивная связь воспоминания и воображения: сновидение – произвольно воображаемая во сне картина – на момент пробуждения человека уходит в прошлое и становится воспоминанием.

Ещё ярче в этом отношении второе высказывание, в котором слово со значением воображения отсутствует. Однако понятно, что *стадо оленей пробежало* не в реальной – адекватно отражаемой – действительности, а в большой фантазии персонажа (*фантазия* – «3. нечто надуманное, неправдоподобное, несбыточное» [20, с. 846]), близкой к галлюцинации – «обману чувств, ложному восприятию вследствие психического расстройства» [Там же, с. 129].

Словосочетание *читал вчера*, где глагол «высвечивает» семантику воспоминания написанного, которое герой воспринимал, «произнося или воспроизводя про себя» [Там же, с. 883], а наречие *вчера* в качестве относительного семантического временного оператора точно указывает на план прошлого, подчёркивает, что возникший в воображении персонажа наглядно-чувственный образ ситуации не оторван от действительности абсолютно, но он, приведённый в движение силой иллюзии, мысленно «оживший», есть факт ирреальной действительности, которая только на мгновение была зрительным восприятием, настоящим, но через это мгновение снова стала прошлым.

Уникальным художественным примером взаимопроникновения и взаимодействия всех временных планов в результате употребления слов с семантикой воображения и глагольных форм в переносном временном значении является сложное синтаксическое целое, в котором описывается сон князя Андрея – одного из главных героев романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»:

Он видел во сне, что он лежит в той комнате, в которой он лежал в действительности, но что он не ранен, а здоров. Много разных лиц, ничтожных, равнодушных, являются перед князем Андреем. Он говорит с ними, спорит о чём-то ненужном. Они собираются ехать куда-то. Князь Андрей припоминает, что всё это ничтожно и что у него есть другие, важнейшие заботы, но продолжает говорить, удивляя их, какие-то пустые, остроумные слова. Понемногу, незаметно все эти лица начинают исчезать, и всё заменяется одним вопросом о затворённой двери. Он встаёт и идёт к двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть её. Оттого, что он успеет или не успеет запереть её, зависит всё. Он идёт, спешит, ноги его не двигаются, и он знает, что не успеет запереть дверь, но всё-таки болезненно напрягает все свои силы. И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в неё. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удержать её. Он ухватывается за дверь, напрягает последние усилия – запереть уже нельзя – хоть удержать её; но силы его слабы, неловки, и, надавливаемая ужасным, дверь открывается и опять затворяется. Ещё раз оно надавило оттуда. Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло, и оно есть смерть. И князь Андрей умер. Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся (Л. Толстой. Война и мир [25, т. 4, с. 1018]).

Итак, грамматическое время глагола отражает в языке «объективное, действительно существующее и неделимое время» [28, с. 145]. Прошлое воспроизводится человеком в воспоминании, а будущее конструируется им в воображении, поэтому для выражения семантики представления в художественной прозаической речи актуальными являются глагольные формы прошедшего и будущего времени.

Когнитивный, структурно-семантический и функциональный анализ этих форм позволяет сделать вывод о том, что грамматическое значение времени и связанная с ним семантика представления «накладываются» на лексическое значение глагола, в результате чего возникает сложная, многокомпонентная, комплексная лексико-грамматическая семантика: глагол в форме прошедшего времени обозначает вспоминаемое действие, событие в прошлом, а в форме будущего времени – воображаемый процесс, предполагаемую ситуацию в будущем.

Маркированной в оппозиции глагольных временных форм («прошедшее – непрошедшее») является форма прошедшего времени, что объясняется когнитивным характером воспоминания как особенно «чувственной» наглядной основы для воображения и далее для понятия. Кроме того, воспоминание, будучи отражением прошлого, постоянно «поглощает» настоящее, превращая восприятия в «следы» памяти.

В художественных контекстах с формами прошедшего времени глаголов очень активно функционируют абсолютные и относительные временные операторы – конкретизаторы соответствующего значения или модификаторы другого временного значения в значении прошедшего времени при переносном употреблении морфологических глагольных форм.

Формы прошедшего времени глаголов самые частотные в художественной прозе, поскольку отвечают специфике жанров произведений и способам эффективного воздействия на память и воображение читателей.

Только в прямой и несобственно-прямой речи используются глагольные формы будущего времени. Уступая в частотности формам прошедшего времени, они, отражая ирреальную природу будущего, субъективность, модальность и аксиологичность воображаемых картин, гипотетичность и перспективность представляемых событий, позволяют выявить доминанты в мировосприятии и миропонимании персонажей художественных произведений, поскольку именно воображаемые действия раскрывают внутренний потенциал личности литературного героя и многогранно характеризуют её.

Формы будущего времени глаголов, более чем глагольные формы прошедшего времени, нуждаются в контекстуальной «поддержке», которая заключается не только в употреблении слов ЛСП представления или интеллектуальной деятельности (при актуализации в лексических значениях наглядно-чувственного компонента), временных операторов, вводно-модальных слов, но и в описании экстралингвистических факторов, порождающих ситуацию воображения, ситуацию будущего.

Типичной глагольной формой будущего времени в русистике однозначно признана аналитическая, в которой грамматическое значение выражается вспомогательным глаголом *быть*, а смысловой акцент делается на воображаемом процессе/действии/событии и осуществляющем его или участвующем в нём субъекте, что передаётся соответствующим инфинитивом.

Так называемая простая форма будущего времени глагола типа *открою* большинством учёных квалифицируется как синкретичная форма «настоящего-будущего совершенного», в которой основным является значение будущего, а второстепенным – значение настоящего. Эта форма обязательно требует использования в одном художественном контексте лексики со значением воображения и слов с общей темпоральной семантикой.

Многочисленные случаи переносного употребления временных форм глаголов подчёркивают когнитивную целостность времени, которая обнаруживает себя в диалектической взаимосвязи и взаимодействии всех временных планов – прошлого, настоящего и будущего. Возникающие в художественной прозаической речи глагольные временные метафоры создают особый – процессуальный – образный фон произведения и усиливают экспрессивность описываемых воспоминаний и воображаемых картин.

Список литературы

1. **Бабайцева В. В.** Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В. В. Избранное. 2005-2010: сб. науч. и науч.-методич. ст. М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 61-73.
2. **Бондарко А. В.** Вид и время русского глагола (значение и употребление): пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
3. **Буйда Ю. В.** Скорее облако, чем птица: роман; рассказы. М.: Вагриус, 2000. 448 с.
4. **Голайденко Л. Н.** Глагол-связка *быть/бывать* в составном/сложном сказуемом как лексико-грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // Научные перспективы 21 века: достижения и перспективы нового столетия: мат-лы 11-й междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22-23 мая 2015 г.). Новосибирск: МНИ «Educatio», 2015. С. 38-42.
5. **Голайденко Л. Н.** Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Томск: ТГПУ, 2013. № 3 (131). С. 140-145.
6. **Голайденко Л. Н.** Категория числа существительных как грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // На пересечении языков и культур: актуальные вопросы современного гуманитарного знания: межвуз. сб. ст. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. Вып. 2. С. 141-150.
7. **Голайденко Л. Н.** Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 142 с.
8. **Голайденко Л. Н.** О переходном характере глаголов представления (на материале произведений русской классической прозы) // Семантика и прагматика языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Уфа: БГПИ, 1999. С. 21-28.
9. **Голайденко Л. Н.** Предложения с компонентами *было, бывало/бывает* как синтаксические средства выражения семантики воспоминания в художественной прозе // Актуальные вопросы развития современной науки и образования: сб. науч. тр. М.: ИП Туголуков А. В., 2015. С. 86-101.
10. **Голайденко Л. Н.** Существительное *представление* как когнитивная номинация (на материале художественной прозаической речи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. 2. С. 56-63.
11. **Егоров Д. С.** Основные типы трансформации временных форм глагола в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2012. 22 с.
12. **Еникеев М. И.** Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2006. 560 с.
13. **Кедрова И. Н.** Девять жизней: роман. М.: Издательство «Авторская книга», 2012. 208 с.
14. **Кравченко А. В.** Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. 160 с.
15. **Кучерская М. А.** Плач по уехавшей учительнице рисования: рассказы. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2014. 320 с.
16. **Логунов Т. А.** Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен (на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Кемерово, 2007. 26 с.
17. **Марков Б. В.** Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 566 с.
18. **Мосенцев В. В.** Временные операторы в семантической структуре высказывания и текста: автореф. дисс. ... к. филол. н. Харьков, 1990. 20 с.
19. **Николина Н. А.** Категория времени в художественной речи: монография. М.: Прометей, 2004. 276 с.
20. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 23-е, испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.
21. **Парешнев Е. Ю.** Аспектуальная характеристика высказываний с формами сложного будущего времени в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004. 20 с.

22. Путивцева И. А. Функционально-семантическое поле временной характеристики события: автореф. дисс. ... к. филол. н. Таганрог, 2006. 24 с.
23. Рянская Э. М. Способы действия в когнитивном аспекте: монография. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 191 с.
24. Толстой А. Н. Хождение по мукам. Хмурое утро: роман. М.: Художественная литература, 1985. 384 с.
25. Толстой Л. Н. Война и мир: роман: в 4-х т. М.: Эксмо, 2011. Т. 4. С. 992-1296.
26. Урумашвили Е. В. Прагматические функции временных форм глагола в художественном тексте (на материале романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2011. 24 с.
27. **Философский энциклопедический словарь** / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2006. 576 с.
28. Чепасова А. М. Глаголы в современном русском языке: учеб. пособие. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2007. 408 с.
29. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: МПУ, 2000. 151 с.
30. Шуваева Н. В. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2005. 26 с.
31. http://apsnyteka.org/678-iskander_f_rasskazy_chast_1.html#1 (дата обращения: 17.09.2015).
32. <http://azbyka.ru/fiction/nesvyatyte-svyatyte-i-drugie-rasskaz> (дата обращения: 17.09.2015).
33. http://az.lib.ru/a/andrew_i_n/text_0310.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
34. http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0018.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
35. http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0015.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
36. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0020.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
37. http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0120.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
38. <http://bp01.ru/public.php?public=1101> (дата обращения: 17.09.2015).
39. <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/moi-university/moi-university-5.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
40. <http://knigger.com/texts.php?bid=8764&page=7> (дата обращения: 17.09.2015).
41. http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1381#part_15221 (дата обращения: 17.09.2015).
42. <http://lib.ru/LITRA/CHEHOW/6.txt> (дата обращения: 17.09.2015).
43. <http://lit.lib.ru/s/sanaev/plintus.shtml> (дата обращения: 17.09.2015).
44. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/3/uliz.html (дата обращения: 17.09.2015).
45. <http://magazines.russ.ru/october/2012/12/c23-pr.html> (дата обращения: 17.09.2015).
46. <http://militera.lib.ru/prose/russian/okudzhava1/02.html> (дата обращения: 17.09.2015).
47. <http://mreadz.com/new/index.php?id=11426&pages=43> (дата обращения: 17.09.2015).
48. http://orwell.ru/library/others/zamyatin/navodnenie/r/r_voda.htm (дата обращения: 17.09.2015).
49. <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0865.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
50. <http://shalamov.ru/library/2/6.html> (дата обращения: 17.09.2015).
51. <http://www.lib.ru/BULGAKOW/zapiskiw.txt> (дата обращения: 17.09.2015).
52. <http://www.lib.ru/DOWLATOW/wstretilisx.txt> (дата обращения: 17.09.2015).
53. <http://www.lib.ru/NABOKOW/sozanyat.txt> (дата обращения: 17.09.2015).
54. http://www.lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/r_night.txt_with-big-pictures.html#3 (дата обращения: 17.09.2015).
55. <http://www.lib.ru/TALES/SIBIYAK/ozornik.txt> (дата обращения: 17.09.2015).
56. <http://www.litmir.co/br/?b=13697> (дата обращения: 17.09.2015).
57. <http://www.litmir.co/br/?b=139135> (дата обращения: 17.09.2015).
58. <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/35676.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
59. <http://www.saharina.ru/metod/ege/text/?name=text137> (дата обращения: 17.09.2015).
60. http://www.world-art.ru/lyric/lyric_alltext.php?id=6280 (дата обращения: 17.09.2015).
61. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2662> (дата обращения: 17.09.2015).
62. <http://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/pelevin1.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
63. <http://wysotsky.com/0009/501.htm#07> (дата обращения: 17.09.2015).
64. <https://books.google.ru/books?id=F0QVAwAAQBAJ&pg=PT18&dq=шукшин+сельские+жители&hl=ru&sa> (дата обращения: 17.09.2015).
65. <https://books.google.ru/books?id=KAzXJ5nwwuEC&printsec=frontcover&dq=рубина+почерк+леонардо&hl=ru&sa> (дата обращения: 17.09.2015).
66. <https://books.google.ru/books?id=UQdiAAAQBAJ&pg=PT15&lpq=PT15&dq=нагибин+я+изучаю+языки&source#v> (дата обращения: 17.09.2015).

THE CATEGORY OF VERBAL TENSE AS A GRAMMATICAL MEANS TO EXPRESS THE SEMANTICS OF REPRESENTATION IN THE FICTIONAL TEXTS

Golaidenko Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
lngolaydenko@gmail.com

The cognitive category of representation is qualified as the structural-semantic. The semantics of representation manifests itself at the different language levels, including morphological and syntactical. Considering the grammatical means to express the semantics of representation the article examines the Past and Future tense forms of the verbs which do not refer to the lexico-semantic field of representation but in the fictional speech mark the descriptions of the reminiscences and imaginary pictures occurring in the personages' consciousness.

Key words and phrases: structural-semantic category of representation; semantics of reminiscence/ imagination; grammatical category of verbal tense; past/future verbal tense forms; figurative use of the verbal tense forms.